

№8

СПб

ПЕТРОПОЛЬ

ПЕТРОПОЛЬ

Елена Гуро
Яков Гордин
С. Н. Лазарев
Юрий Шевчук
Ольга Ваксель
Валентин Гафт
Влад Толмачев
Елена Ушакова
Михаил Кураев
Галина Дюмонд
Борис Ванталов
Юрий Белишкин
Леонид Могилев
Андрей Грицман
Вячеслав Лейкин
Сергей Спасский
Василий Аксенов
Виктор Кривулин
Наталья Гонохова
Лариса Барахтина
Анатолий Цветаев
Михаил Давидович
Борис Левит-Броун
Александр Межиров
Константин Вагинов
Александр Антонович
Владимир Микушевич
Владимир Маранцман

Александр Городницкий
Сергей Стратановский
Вениамин Блаженный
Валерий Шубинский
Александр Дольский
Владимир Соловьев
Эрнст Неизвестный
Александр Володин
Венедикт Ерофеев
Александр Кушнер
Ирина Машинская
Владимир Уфлянд
Николай Якимчук
Иосиф Бродский
Сергей Довлатов
Виктор Ерофеев
Виктор Соснора
Сергей Юрский
Максим Шраер
Борис Слуцкий
Михаил Веллер
София Парнок
Илья Фoniaков
Сергей Носов
Вадим Димин
Марк Стрэнд
Белла Дижур
Игорь Инов

1998

О стихах Галины Дюмонд

Восклицания типа любовь, люблю, любимый, любый, или же с отрицанием не — ничего не говорят, пустые слова, без значений. Всякие признания в стихах вообще подозрительны и наводят на мысль о навязчивых идеях. Естественно, что о влюбленностях больше всего пишут поэтессы. Ничего удивительного — женская прерогатива. Много стихов о любви и у Галины Дюмонд. Много у нее и клятв с восклицательными знаками. Но вот что поражает: из множества написанного «по поводу» и, казалось бы, безнадежного, вдруг вспыхивают замечательные, истинно поэтические находки:

*Сиянием звездных светил очарован —
Не дрогнешь ужель?
Последний мизинчик которой целован
В холодную ляжет постель.*

Замечательная, многозначная инверсия!

При полной небрежности к ритмической организации строки и ее тривиальности, автор внезапно начинает стихотворение блестящим эллиптическим размером:

Вот еще одна стая листьев...

В сущности, это и есть стихотворение в одну строку, все остальное там — рассуждение.

И вообще автору удаются короткие и «простые» стихотворения, такие, как «Погасла свеча и упало кольцо», только в нем нужно снять посвящение Пушкину и оставить авторскую интерпретацию.

Отдельных удач у Галины Дюмонд много. Но совершенно ясно, что у нее нет литературной школы, поэтому круг ее тем замкнут, методы строения стиха сходны, там, где более 16 строк, она начинает описывать то, что видит вокруг, когда

куда-то идет. Ничего не видит, потому что это не ее рамки таланта. Она живет в себе, а не вокруг, поэтому нужно искать разнообразие стиха и нюансов в себе, а может быть, и в любви к чтению других поэтов, что и называется «школой». Этой любви к чтению чужого у нее нет. И тем более изумительно, когда «среди такого сора» (по Ахматовой) попадаются стихотворения абсолютно выверенные, чисто музыкальные, где все «смыслы» сливаются с «формой». Я не могу описывать стихи словами, это оставим критикам. Я не хочу удержаться, чтобы не процитировать одно из таких произведений, абсолют у Галины Дюмонд:

*На берег песчаный,
Где лодка жемчужно, как мамонта кости, обсохла,
Выйди на берег песчаный,
Где лодка обсохла.*

*Там синие тени,
В бездонную гладь засмотрелась луна молчалива,
Там я... Там синие тени,
Луна молчалива.*

*Одной мне придется
Луне молчаливой в ответ улыбаться,
Если не выйдешь. Одной мне придется
В ответ улыбаться.*

*А ты не увидишь,
Как в неводе неба звезды трепещут,
Меня не обнимешь...
А ты не увидишь меня... не обнимешь.*

Под такой инструментальной готов был бы подписаться любой классический поэт.

Парадокс Галины Дюмонд прост: ей не нужно ничему «учиться» и ничего «исправлять» у себя! Ей нужен строгий, я бы сказал суровый авторский отбор.

21 декабря 1994 г.

Погасла свеча...

Погасла свеча и упало кольцо,
Посмертная маска легла на лицо.
И тучи по небу, и дождь проливной.
Кто это бродит всю ночь за тобой?

И кто это шепчет, что ночь коротка,
Туча пройдет, лишь побрызжет слегка.

А ночь не проходит. А дождь все идет —
И кто нам свечу в эту ночь принесет?

И кто мне наденет на палец кольцо,
Чтоб просияло сквозь маску лицо?

Идет снег.
Медленный такой,
Медленный снег.
Красивое лицо в окне.
Печальное и отстраненное.
А в зеркало не стоит смотреть.
Той, в зеркале,
Так холодно спать,
И так страшно утром.
Утром та, из зеркала,
Неизменно отодвигает портьеру —
Так же ли страшно этой?
Но этой уже нет.

Эта появляется только в сумерках,
Когда мечты — серафимы,
И исчезает с рассветом
В своей таинственной отстраненности.
И все, связанное с ней,
В каком-то другом измерении,
И это единственная точка,
Где они соприкасаются,
И ей так идет
Снег,
Медленный такой,
Медленный снег.

Неповоротливо тяжкие мысли,
И холод сквозит.
Что делать, скажите, что делать мне, если
Где сердце — совсем не болит?
Так пусто там, гулко, неровно, как будто
Оно не мое.
Как будто мое только сирое утро,
А звездное небо твое.

Сиянием звездных светил очарован —
Не дрогнешь ужель?
Последний мизинчик которой целован
В холодную ляжет постель.

А после само даже напоминаешь
Залижет метель...
Увидев забытую розу на камне —
Не дрогнешь ужель?